

Когда эта мысль промелькнула в голове, малыш задумчиво кивнул.

Он знал, кто такой Фэйфэй — это был он сам. Но что такое «вид»? Фэйфэй — это вовсе не какой-то там «вид», Фэйфэй — это маленький ребёнок, который приносит всем радость.

Маленький мифический зверь, несмотря на нежный возраст, уже вовсю учился подмечать ошибки в чужих суждениях и исправлять их на свой лад.

Удерживая эту мысль, Фэйфэй подошёл к сидящему Линь Сыняню. Поднявшись на цыпочки, он протянул крохотную ладошку и очень нежно похлопал отца по лбу, а затем погладил. Он в точности скопировал жест, которым Сынянь совсем недавно ласкал его самого.

Глядя на отца со всей серьезностью, на которую был способен ребенок его роста, Фэйфэй проговорил:

— Фэйфэй — это малыш, который приносит всем радость. Сейчас Фэйфэй погладит папу, и папе станет весело.

Погладив еще немного, кроха с важным видом осведомился:

— Папе уже весело? Тебе больше не грустно?

Волосы на лбу Линь Сыняня после этих поглаживаний немного растрепались, но на душе у него и впрямь чудесным образом посветлело.

Это было странное чувство — словно невидимые маленькие ручки разогнали мрачную ауру, годами окутывавшую его, оставив после себя лишь теплое и ясное сияние.

Это мимолетное мгновение оставило в душе Сыняня след куда более глубокий, чем могло показаться. Это не было принудительное веселье, будто кто-то нажал на кнопку смеха. Скорее это походило на забытый зов — призыв вернуть себе право и способность радоваться, которые принадлежали ему по праву.

Словно в землю упало зернышко. Если его поливать и оберегать, когда-нибудь оно обязательно даст росток.

— Папе не грустно. Стоит мне увидеть Фэйфэя, и вся грусть проходит.

Линь Сынянь еще не осознал этих тонких перемен и не заметил, что мгновение назад его состояние было по-настоящему опасным. Он лишь подумал, что немного отвлекся, а малыш вовремя вернул его к реальности.

С другой стороны, Линь Цзинли, который внимательно наблюдал за братом с самого начала, едва заметно шевельнул пальцами, лежащими на подлокотнике дивана.

Состояние Сыняня только что было критическим. Цзинли никогда не преувеличивал, говоря, что психологическое здоровье брата оставляет желать лучшего, но в этом мире подобный недуг казался неразрешимым узлом. Линь Цзинли чувствовал себя беспомощным и мог лишь стараться лишний раз не провоцировать брата.

Но теперь... неужели это та самая «глубокая привязанность»?

Цзинли смотрел на Сыняня изучающим взглядом, словно пытался препарировать его мысли.

Линь Сынянь взял малыша за руку и снова подошел к коробкам с подарками, собираясь помочь ему с распаковкой. Пристальное внимание брата вызывало у него дискомфорт.

— Что ты так смотришь?

— Ничего, — Линь Цзинли подпер подбородок рукой, переводя взгляд с Сыняня на Фэйфэя и обратно. — Просто я немного потрясен. Не ожидал, что в тебе скрывается такая бурная отцовская любовь. Если бы ты так сильно хотел детей, мог бы сказать раньше — я бы давно устроил тебе свидания вслепую.

Любые незапланированные перемены обычно вызывали у Линь Цзинли раздражение. Но, глядя на то, каким милым, красивым и послушным был этот кроха, он решил, что на сей раз может проявить терпимость к нарушению своих планов.

В этот момент Линь Гошэн, который до сих пор сидел на диване, притворяясь невидимкой за газетой, наконец подал голос. Он отложил чтение, пару раз кашлянул, привлекая всеобщее внимание, и обратился к Сыняню:

— Сегодня ужинаешь здесь. И на ночь не уезжай, оставайся. В том доме, где ты сейчас живешь, с безопасностью совсем беда. Слишком всё плохо организовано.

Говорил он сурово, стараясь сохранить вид человека, чье слово — закон. Однако при этом он упорно избегал смотреть на Линь Цзинли, уставившись прямо на Сыняня. В его поведении проскальзывала тень необъяснимой неловкости.

Линь Сынянь равнодушно кивнул:

— Ладно.

В конце концов, он съехал из особняка не из-за ссоры с семьей, а просто потому, что старый

дом находился далеко от центра города, и ему было неудобно возвращаться после съемок. Раз уж Линь Гошэн сам заговорил об этом, не стоило портить старику настроение из-за пустяков.

Услышав ответ, дед, казалось, нашел повод сменить тему. Он снова кашлянул и, выждав паузу, повернулся к Линь Цзинли:

— Пусть Сяо Хань тоже выйдет к ужину. Сегодня вся семья в сборе, будет неправильно, если его и его матери не будет за столом.

Линь Цзинли бросил на отца холодный взгляд. Линь Гошэн, почувствовав укол совести, тут же перешел в наступление:

— Что? Теперь, чтобы позвать собственного внука поужинать, мне нужно твое разрешение?

Закончив с этим, старик принялся жаловаться Сыняню:

— Твой брат становится всё невыносимее! Тебя вчера не было, ты не слышал, как этот неблагодарный сын со мной разговаривал!

Линь Сынянь пропускал жалобы отца и скрытое напряжение между ним и Цзинли мимо ушей. Он то сажал малыша в огромную подарочную коробку, то, когда тому надоедало и он тянул ручки, подхватывал его и вынимал обратно.

А через минуту снова сажал внутрь.

В коробке лежал огромный плюшевый медведь. Оказавшись внутри, кроха усаживался прямо на мягкий живот игрушки. Ощущение мягкости и легкой пружинистости приводило Фэйфэя в полный восторг.

Линь Гошэн так и не дождался сочувствия от Сыняня, зато услышал ледяной голос Линь Цзинли:

— Я распорядился выпустить его только тогда, когда приедет Сынянь. Вчера Сяо Хань совсем обезумел, поэтому я приказал запереть его в комнате и связать. Каким образом он умудрился сам развязать веревки и пойти бить окна?

— Сам выпутался. Ты же знаешь, Сяо Хань с детства сильный, — Линь Гошэн упорно не желал признавать, что это он тайком прокрался в комнату Линь Ханя после ужина и ослабил путы.

— Я велел обернуть его тремя слоями простыней, а сверху затянуть жгутом из воловьей кожи, — если бы Линь Хань действительно выбрался сам, это была бы уже не просто детская сила, а божественная мощь.

Когда Линь Цзинли дошел до этого момента, Линь Гошэн внезапно вспыхнул:

— Ты родного сына связал как гусеницу и бросил на ковер! Я тебя когда-нибудь так связывал? Неужели нельзя было поговорить по-человечески? Я вчера договорился с ним, что развяжу его, а он пообещает всё обдумать... кто же знал, что этот паршивец!..

В пылу гнева старик нечаянно проговорился.

На этот раз Линь Гошэн говорил слишком быстро, и Сынянь не успел закрыть уши малышу — Фэйфэй, который до этого весело играл, услышал всё до последнего слова.

— Папа, а зачем старшего брата связывать в гусеницу и класть на ковер?

Хотя Линь Хань еще не появился, он уже успел завоевать симпатию малыша, став первым, кто прислал подарок.

— Потому что... потому что... — Линь Сынянь лихорадочно соображал. — Потому что дядя играет с братом в игру! Проигравший в наказание должен притвориться гусеницей.

— Брат проиграл?

— Проиграл. А проигравшие становятся гусеницами.

Судя по всему, игра показалась малышу очень забавной. Сидя на животе медведя, он поднял ручонку:

— Фэйфэй тоже хочет играть в эту игру с братом и дядей! Можно мне с вами? Фэйфэй будет очень послушным.

Это... Встретившись с полным надежды взглядом огромных глаз, Линь Сынянь внезапно лишился дара речи.

А Линь Цзинли и Линь Гошэн, которых этот диалог уже давно отвлек от спора, невольно улыбнулись детской непосредственности. В устах ребенка даже самые суровые вещи превращались в невинную забаву.

В конце концов Линь Цзинли решил дать отцу возможность сохранить лицо. Он улыбнулся малышу и сказал:

— Бабушка готовит нам ужин, так что игра пока на паузе. Скоро брат спустится, и мы сначала поедим. А после ужина поиграем.

— В игру про гусеницу? С папой? — уточнил кроха.

Линь Цзинли добродушно кивнул:

— Да, в игру про гусеницу, вместе с папой. Только чур, если Фэйфэй проиграет — не капризничать.

Фэйфэй замотал головой:

— Фэйфэй хороший мальчик, он не будет капризничать.

Малыш совсем не боялся незнакомых людей. С кем бы он ни разговаривал — с Ян Юйин, Линь Гошэном или Линь Цзинли — в его поведении не было ни тени страха, только вежливость и открытость.

Линь Гошэн подумал, что внук еще слишком мал, а в таком возрасте дети редко бывают нелюдимыми — замкнутость обычно приходит позже.

Однако Линь Цзинли чувствовал: всё дело в том, что Фэйфэй безгранично доверяет Линь Сыняню, а через него — и всем остальным в этом доме.

Видя в глазах ребенка это чистое, ничем не омраченное доверие к каждому в этой комнате, Цзинли подумал, что оно дается легко, но стоит дороже всего на свете.

Чем старше становится человек, тем чаще он смотрит на мир сквозь призму сомнений. Почти невозможно снова научиться доверять так, как в детстве.

Поддавшись на миг чувствам, Линь Цзинли помахал Фэйфэю рукой:

— Пойду позову твоего брата к столу. Поедим — и за игру.

— Хорошо-о! — послушно кивнул малыш. Но поскольку борта коробки были слишком высокими, снаружи были видны лишь несколько прядей волос, забавно подпрыгивающих вверх-вниз.

— Вылезает? — Линь Сынянь протянул руки к коробке.

Фэйфэй тут же вскинул ручки навстречу, и Сынянь подхватил его, поднимая высоко-высоко. Малыш счастливо заболтал в воздухе босыми ножками.

***

Наверху и внизу в доме Линь царила совершенно разная атмосфера.

Внизу было светло и шумно.

Наверху горело лишь несколько тусклых ламп, а шаги на мягком ковре тонули в абсолютной тишине.

Чжао Шихань, мать Линь Ханя, стояла перед дверью с подносом в руках. На нем стоял стакан теплого молока и лежал сэндвич. Она в нерешительности замерла у комнаты сына, но войти не могла — у неё не было ключей.

Увидев приближающегося Линь Цзинли, она странно изменилась в лице. Женщина занервничала, с тревогой глядя на высокую фигуру мужа.

— Я хотела принести Сяо Ханю поесть. Он весь день ничего не ел, организм не выдержит, — принялась оправдываться она.

Линь Цзинли остановился в трех шагах от неё, непроницаемым взглядом изучая еду на подносе.

— Вылей.

Чжао Шихань не шелохнулась, но её тело начало мелко дрожать.

Видя, что она не уходит, продолжая безмолвно и упрямо сопротивляться, Линь Цзинли подошел ближе и взял стакан с молоком. Протянув его жене, он коротко бросил:

— Пей.

Чжао Шихань низко опустила голову, пряча лицо за рассыпавшимися волосами. Она больше не могла выносить этого ледяного давления.

— Мне... мне что-то нехорошо, — пробормотала она, резко развернулась и поспешно скрылась в конце коридора.

Линь Цзинли провожал её взглядом, пока она не исчезла. Покрутив в руках стакан, он небрежно поставил его на комод у двери. Затем толкнул дверь — она вовсе не была заперта.

В том виде, в котором Линь Хань был связан, он не смог бы сбежать, даже если бы у него выросли крылья.

Стоило двери открыться, как взору предстал юноша с дерзким выражением лица, в чертах которого угадывалось сходство с Линь Цзинли. Четырнадцатилетний Линь Хань, словно дождевой червь, с трудом извивался на ковре.

Всё его тело, кроме головы, было так плотно замотано в простыни, что он не мог пошевелить даже пальцем.

Линь Цзинли присел рядом, чтобы развязать его. Линь Хань, измотанный дневной борьбой и голодом, уже не имел сил сопротивляться. Он лежал неподвижно, словно вяленая вобла, лишившаяся всяких надежд, позволяя отцу переворачивать себя как угодно.

— Решил выпустить? Не бойся, на этот раз у меня и впрямь нет сил бежать, — голос подростка из-за мутации звучал хрипло, но, как ни странно, в нем не было той ненависти, которую можно было ожидать после столь «жестокоего» обращения.

Когда одна рука была освобождена, Линь Цзинли бросил сыну платок:

— Вытри пот. И спускайся ужинать.

При упоминании еды Линь Хань оживился:

— Мой подарок мелкому доставили? Это лимитированная серия, я на него все карманные деньги спустил. Ты же мне их в ближайшее время не вернешь, да?

— Зависит от твоего поведения.

Будешь вести себя хорошо — деньги будут. А если снова начнешь бить окна, как вчера, — можно и на год под замок угодить.

Прошло целых пять минут, прежде чем Линь Хань окончательно выбрался из своего кокона и тут же бессильно распластался на полу.

Линь Цзинли помог ему подняться, буквально на одной руке вытягивая обессиленного сына:

— Иди ешь. Восстанавливай силы, вечером будешь играть в игру с Фэйфэем и младшим дядей. В таком состоянии ты и шагу не ступишь.

Линь Хань недоуменно переспросил:

— Играть? В какую еще игру?

Линь Цзинли вкратце пересказал то, что пообещал малышу.

Коридор огласил яростный вопль:

— Твою ж!.. Отец, у тебя совесть есть?! Я в таком состоянии, а ты меня не отпускаешь и заставляешь нянчиться с ребенком?!

— Смена деятельности — лучший отдых.

Разве плохо поиграть с малышом? Линь Цзинли видел, что Сыняню это идет на пользу — чем дольше он возился с крохой, тем лучше становилось его настроение.

Спускался Линь Хань с чувством полного отчаяния.

За те несколько дней, что он провел взаперти, он успел перепробовать всё: ругался, крушил вещи, пытался бежать. Сейчас силы были на исходе, и рассудок наконец взял верх.

Впрочем, это был скорее не голос разума, а смирение перед судьбой. Он понимал: если он выкинет что-то экстремальное, отец без колебаний свяжет его на всю оставшуюся жизнь и наймет сиделок, чтобы те кормили его с ложечки. Денег у семьи Линь хватит на любые безумства.

Так какой смысл сопротивляться? Рано или поздно всё равно придется смириться.

Оказавшись внизу, Линь Цзинли одной рукой придержал Линь Ханя, усаживая его на стул, а в другой всё еще сжимал стакан молока. Пройдя на кухню, он хладнокровно вылил содержимое в раковину.

Случайно встретившись взглядом с Ян Юйин, Цзинли поправил очки:

— Долго стояло, испортилось.

Ян Юйин не придавала этому значения, продолжая расставлять на столе многочисленные блюда. Несмотря на наличие поваров, готовка оставалась её главной страстью.

Кулинарный талант бабушки, возможно, и уступал мастерству Линь Сюя, но был куда выше способностей Сыняня. Фэйфэй, как всегда, ел с огромным аппетитом. Лишь в уголке рта виднелась капля соуса, а маленький нагрудник оставался безупречно чистым.

— Вкусно? — спросила Ян Юйин.

Малыш восторженно закивал:

— Очень вкусно!

Растроганная бабушка тут же положила в тарелку внука еще несколько лакомых кусочков.

Линь Хань сидел напротив Фэйфэя. Несмотря на зверский голод, аппетита у него не было — он собирался просто перекусить чем придется.

Но, глядя на то, как малыш с наслаждением уплетает еду, забавно болтая под столом ножками, он невольно засмотрелся.

«Неужели и впрямь так вкусно? Как можно есть с таким счастьем на лице?»

Наблюдая за Фэйфэем, Линь Хань сам не заметил, как опустошил целую миску риса.

А ведь и правда... довольно вкусно.

<http://bllate.org/book/13654/1582187>